

Байкал море

А. П. Майоров

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Славное море — привольный Байкал.
Дм. Давыдов. *Думы беглеца на Байкале*

Среди гидронимов у русских в употреблении названий озер наиболее распространены три вида лексической структуры наименования:

- 1) составное наименование по модели «топоним + географический термин»¹ (*Ладожское озеро*);
- 2) топоним как сложносокращенное слово (*Волгозеро*);
- 3) однословное наименование (*Балхаш*).

Последний вид может представлять собой результат эллипсиса (*озеро Балхаш* → *Балхаш*), который «основывается на способности географического имени одновременно с собственной семантикой обозначать названный объект как принадлежащий к определенному классу (город, озеро, остров и т. д.)» [Селезнева 1975: 113]. К этому виду лимнонимов следует отнести топоним *Байкал*, который уступает в употребительности составному наименованию *озеро Байкал* только в сфере официальной топонимии.

В истории русского языка и в современных русских говорах байкальского региона известна еще одна топонимическая номинация — *Байкал море*. Сегодня носителями литературного языка определение *море* воспринимается как метафора: данные ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов вузов Улан-Удэ, подтверждают, что «устоявшимися метафорическими образами Байкала становятся “жемчужина” (25 ед., 16,9 %) и “море” (46 ед., 28,7 %)» [Жигачева, Доржиева 2018: 203]. В современном восприятии вынесенное в эпиграф сочетание *славное море* из стихотворения Дм. Давыдова, которое было положено в основу известной песни, а также употребление слова в сочетании с другими эпитетами (*великое море, святое море*,

¹ В коммуникативно-прагматическом освещении структуру составных топонимов характеризуют другие термины: дифференциатор + идентификатор + квалификатор (см., например, [Просвирнина 1999; Вайрах 2011]).

священное море, вселенское море) в фольклорном и прозаическом дискурсах Бурятии еще прочнее закрепляют метафорический образ величественного Байкала [Там же: 69–103]. Между тем ономастическая история озера заставляет сомневаться в изначальном применении слова *море* в топониме *Байкал море* как художественного тропа.

Дело в том, что первые и последующие фиксации названия *Байкал море* встречаются исключительно в региональных деловых текстах 2-й пол. XVII — XVIII вв., а деловой язык во все времена избегал использовать языковые средства, передающие эмоционально-экспрессивное отношение к предмету речи. Фольклорных и художественных произведений первые русские насельники Прибайкалья еще не успели создать, однако определенные жанры деловой письменности отражали элементы разговорного узуса, в котором образное осмысление больших размеров озера с помощью слова *море* могло присутствовать.

В истории русского языка у слова *море* недифференцированное значение ‘большой водоем с соленой или пресной водой, море, океан’ прослеживается с XI столетия [СлРЯ XI–XVII, 9: 262]. Генерализация семантики этой лексемы создала условия для образования устойчивого выражения *море-окиянь (окиань)* и способствовала развитию значения ‘водное пространство вообще (в противоположность земному)’ [Там же: 262–263]. Сема ‘водоем большого размера’ у лексемы *море* выходит на первый план в составных топонимах, именующих океан: *Атлантское море, Индейское море* [Там же]; применительно к большим озерам больших озер можно согласиться с примером *Байкал море*, но не с примером *Чудское море* [Там же: 263]. Последний пример приводится из «Сказания» об Александре Невском, и название озера упоминается коротко как поле битвы, куда вступили русские войска:

Князь же Александр ополчився поиде противу ратнымъ и наступиша **море Чюдское** [Сказ. Ал. Нев.: 8].

В русских летописях этот же эпизод описывает расстановку сил Александром Невским перед битвой более детально, и здесь употребляется лишь топоним *Чудское озеро (езеро)*:

Узрѣвъ же князь Александръ и новгородцы, поставиша полкъ на **Чюдскомъ озерѣ**, на Узменѣ, у Воронья камени; и наступиша **озеро Чюдское** [Новг. лет. (Воронц.): 450];

Князь же великий постави полки на **озере Чюдском** на Узмени у Воронья камени, укрепив их силою крестною [Волог.-Перм. лет.: 81];

Князь же великий постави полки на **езере Чюдцкомъ**, на Узмени, у Воронья камени, и укрепився крестною силою и ополчився поиде противу их [Моск. лет. свод: 135].

Название с термином *озеро* (*езеро*) употребляется также в Псковской (Строевский список), Ермолинской, Холмогорской, Симеоновской и других летописях, за исключением Лаврентьевской, излагающей событие конспективно, без упоминания Чудского озера, и Ипатьевской, не рассказывающей эту историю вовсе. Как видим, в Сказ. Ал. Нев. составной топоним *Чудское море* представляет собой окказионализм, употребление которого предопределено жанром произведения.

Что касается топонима *Байкал море*, подтверждающего значение 'об озере (обычно в составе географического названия)' [СлРЯ XI–XVII, 9: 262; СлРЯ XVIII, 13: 32], то в обоих академических словарях приводится только одна иллюстрация (пример с *Чудским морем* не учитываем). В первом словаре цитата взята из «Путешествия» Спафария, а во втором — из «Географии» Татищева, и это дает основание анализировать подобные случаи более внимательно, что будет сделано ниже.

Первые упоминания о Байкале связаны с проникновением русских в устье реки Оки (притока Ангары) и строительством там в 1631 г. Братского острога. В переписке служилых людей с енисейским воеводой, а того — с томским, употребляется топоним *Байкал озеро*, причем с искажением имени — *Беикал* енисейским воеводой, видимо, ранее не слышавшим название водоема:

Да от **Байкала озера** приехал брацкои князец Когун, а с ним пришло улусных людей сто человек (Отписка енисейскому воеводе казачьих десятичников из Брацкого острога: СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 70, 1632) [Миллер, т. III 2005: 194];

Да приехал де от **Беикала озера** к ним же, брацким людям, князец Когун, а с ним де улусных людей человек со сто (Отписка енисейского воеводы Ждана Кондырева томскому воеводе князю Ивану Татеву: СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 219, 1633) [Там же: 197].

Планомерное освоение русскими байкальских территорий началось с 40-х гг. XVII в.: в 1641 г. был построен Верхоленский острог, в 1648 г. — Удинский острог, в 1654 г. — Балаганский острог, в 1661 г. — Иркутский острог и т. д. [Русские старожилы 1973: 18]. Уже в непосредственной близости от Байкала его название *Байкал озеро* с вариантами *Байкало озеро*, *Байкалово озеро* в деловых бумагах этих лет встречается чаще:

и при нем в Брацком остроге во 152-м году пришли з **Байкала озера** 2 человека промышленных людей, Максимко вычегжанин да Левка вятчанин, и принесли государева ясака 3 сорока 6 соболей (СПФ ИРИ РАН, ф. 160, к. 184, стлб. 1, 1645) [Историч. выбор 2014: 31];

а велел им государь нашъ царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси служылым людям итти из Енисейского острогу с атаманом Васил[ь]ем Колесниковым и с служылыми людьми в новую землю на **Байкал озеро**

и проводыват[ь] про с[е] ребрянную руду (РГАДА, ф. 214, оп. 1, стлб. 308–310, л. 359 об., 1647) [Там же: 40];

построены въ Енисейском уезде в твоих великого государя ясачных волостях в прошлых годехъ при прежних воеводах **на Байкале озере** на Баргузине реке Баргузинской острогъ (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 76 об., 1662) [Там же: 145];

посылаютца государь из Енисейска для ясачных зборовъ и **на Байкаль озеро** в Баргузинской и в Баунтовской остроги и в ыные острожки и в волости и под хлебными запасы в Дауры и к Ленскому волоку служилыя люди (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 258 об., 1672) [Там же: 244].

С конца 60-х гг. XVII в. в забайкальских памятниках деловой письменности появляется топоним *Байкал море* (*Байкаловское море*):

— И как дошелъ **до Байкал моря** и божимъ судомъ на Байкале тишиною три дощаника розбило (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 219 об., 1668) [Там же: 165];

а которые де иноземцы брацкие выезжие люди и тунгусы платятъ великого государя ясакъ в Селенгинской острогъ, и они живутъ на усть Селенги реки по обе стороны **у Байкала моря** (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 320, 1679) [Там же: 250];

отпущены они из Нерчинского острогу на прежние их породные земли **к Байкаловскому морю** к сродичамъ (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 98, 1680) [Там же: 252].

И уже только наименование *Байкал море* (вместо *Байкал озеро*) забайкальские тексты демонстрируют в XVIII в.²:

— вѣтели ... на | соляномъ озере что **за Ба'каломъ моремъ** бли³ | Селе^нгин'ска для соляного промыс'лу дать даную (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 2, л. 1, 1709) [Селенг. мон. XVIII: № 37, 47];

и ^для новозаво^дства пусты^нно' | Прео^браженс'ко' ч'то **за море^м Ба'кало^м** мн^стьрь: с' паш'нею и с сѣ^нными покосы (НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 3, л. 260, 1726) [Там же: № 47, 58–59];

Для переправы чрезъ **Байкал море** будетъ требоват[ь] вожей четырехъ человекъ (РГАДА, ф. 1092, 1758) [Сл. заб. XVIII: 75];

в прошломъ „784., ^м году в летнее время... при отправленіи о^тсель **за Байкаль море** (ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 90, л. 66, 1785) [ПЗДП XVIII, № 91, 109];

коеи промысел бываетъ во онои реке дажее <так в тексте!> растояниемъ **отъ Байкаль моря** по примеру верстъ за дватцать [ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 1962, л. 1, 1791].

² Примеры из памятников приводятся в упрощенной транскрипции, с сохранением только буквы **ѣ**.

Признание характеристики Байкала *морем* отражается и на географических картах того времени. Так сибирский водоем именуется в знаменитой «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова — первом русском географическом атласе, составленном по указу Петра I в 1699–1701 гг.:

[Чертежная книга 1701: л. иѣ, с. 20].

Ценные сведения об исследуемом топониме дает Николай Спафарий, совершивший путешествие через Сибирь в Китай в 1675 г. (из его дневника взята иллюстративная цитата для словарной статьи лексемы *море* в [СлРЯ XI–XVII, 9]). Прежде всего отметим, что, рассказывая о трудной переправе через озеро, Спафарий называет его то *Байкальским морем*, то *Байкалом*, то просто *морем*. Однако когда путешественник переходит к «Описанию Байкальского моря», он пространно рассуждает об одинаковой возможности употребления терминов *море* и *озеро*. Использование первого обосновывается большими размерами озера и впадением вытекающей из него реки Ангары через Енисей в «Окиянское море», а второго — аргументом пресной воды в Байкале [Спафарий 1882: 118–120]. Иными словами, языковая рефлексия Спафария как ученого допускала равнозначность лимнонимов *Байкал море* и *Байкал озеро*, а в своем повествовании он употреблял те топонимические названия, которые были распространены в окружающей его на то время языковой среде.

В своем рассказе Спафарий часто употребляет слово *море* в значении ‘озеро Байкал’:

И какъ будутъ дощаники середь **моря**, и въ то время всталъ вѣтеръ великой боковой, и за вѣтромъ большимъ **море** на силу перегребли въ рѣку Переемную. ...и тянули на берегъ **на море** дощаникъ и починили, и опять поѣхали на рѣку Переемную [Там же: 117].

Выступая в роли топонима, слово *море* подвергается тем же семантическим процессам, которые Л. Б. Селезнева со ссылками на Ю. А. Карпенко, Б. А. Серебренникова и А. М. Пешковского называет эллипсисом [Селезнева 1975: 114]. В указанной статье рассматривается семантический сдвиг у имени собственного в структуре топонима, когда оно, сочетаясь с нарицательным (в данном случае с географическим термином) «впитывает» в себя его семантику (например, слова *Воронеж*, *Волга*, *Эльбрус* не нуждаются в пояснении, что первое — это город, второе — река, третье — гора). Подобные семантические изменения могут происходить с географическим термином — не только в определенном лингвистическом контексте, но и за его пределами, в разговорном узусе, обычно территориально ограниченном. Так термин *море*, подчиняясь эллипсису в разговорной речи, в забайкальском узусе XVII–XVIII вв. употребляется вне составного наименования *Байкал море* и обозначает озеро Байкал:

И хлебные де государи запасы из Ыркуцкого даурским ратным людям на жалованье привозять **черезъ море** в Удинской острогъ, (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 329, 1683) [Историч. выбор 2014: 312];

Напред[ь] того был в той таможене с отправленными из Ыркуцка по почте с конвертами **кругомъ моря** (НАРБ, ф. 88, 1770) [Сл. заб. XVIII: 240];

Пошли чрезъ хрепты миновав селѣнии прямо **к морю** вышли на усь речки Мантурихи а оттоль по берегу **моря** в деревню Култукъ (НАРБ, ф. 20, 1795) [Там же: 495].

Представление о том, что лексема *море* в таких контекстах употребляется с анафорической функцией, исключает пример из регистрационного документа, в названии (самоназвании) которого звучит форма слова *море*, не содержащая отсылки к антецеденту. Адресат может понять его, только зная языковое значение ‘озеро Байкал’:

Роспись иркуцким казаком и казачьим детям и промышленным и гулящим людям, которым по указу великих государей велено быть на службе великих государей **за морем** (РГАДА, ф. 1121, стлб. 135, л. 41, 1688) [Историч. выбор 2014: 319].

Закрепление в сибирском региолекте XVIII в. лексемы *море* в значении ‘озеро Байкал’ подтверждают региональные исторические словари [Сл. Сиб.: 76; Сл. заб. XVIII: 240]. Место слова *море* в лексической системе русского языка в Забайкалье того времени поддерживалось производными образованиями, которые содержали ключевую сему ‘Байкал’ — *морской, заморский, заморье, подлemorье*, а также составным топонимом *Малое море*, называющим пролив между западным побережьем озера Байкал и островом Ольхон и имеющим производные существительное *маломорец* и прилагательное *маломорский* (ср. *Маломорский рыбзавод* — название градообразующего предприятия на о. Ольхон в советское время). По свидетельству информанта Э. Г. Харанутова, уроженца с. Хужир о. Ольхон, 1962 г.р., ту часть Байкала, которая простирается по правую сторону острова вплоть до восточных берегов, называли *Большим морем*.

Функционирование слова *море* в значении ‘озеро Байкал’ в русских говорах байкальского региона сохраняется и сегодня. Во-первых, это находит прямое и косвенное отражение в словарях, описывающих лексику данных говоров: так, в [Сл. иркут., 30: 335–339] в словарной статье *море* дается толкование ‘озеро Байкал’ с большим иллюстративным материалом, а в [Сл. прибайк.: 86] приводится лексема *мореходка* в значении ‘большая лодка, рыбацкий карбас’, и внутренняя форма этого слова подсказывает, что судно «ходит» по «морю», т. е. по озеру Байкал. Во-вторых, автору статьи в речи родственников, живущих в прибайкальских селах Кабанского района (Истомино и Дулан), неоднократно приходилось слышать слово *море* в данном значении: в их разговорах расхожее выражение *выйти в море* означает ‘поехать на Байкал на рыбалку (обычно за омулем)’. Возвращаясь в историческое прошлое топонима, отметим, что все его варианты — составное наименование *Байкал море*, однословные номинации *Байкал* и *море* — были в регионе официально приняты и оставались употребительными в документах разных жанров (распорядительных, отчетно-исполнительных, регистрационных и пр.) вплоть до середины XIX в. Например, в рапорте Верхнеудинских земских дел от 4 марта 1805 г. дается справка: *пространство реки Селенги выпадающей вершиною отъ границъ китайскихъ простирается течениемъ... на 350 верстъ в Байкаль море* (ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 3788, л. 16 об., 1805). В «Сведениях о промысле рыбы брацкими», поданных Кударинской степной думой в 1833 г., сообщаются статистические данные о *брацких жительствоющих блись Селенги и моря Байкаль* (ГАРБ, ф. 5, оп. 1, д. 1/228, л. 60 об., 1833).

Между тем в литературном языке неизменным было и остается употребление составного топонима *озеро Байкал* (не касаясь эллиптического

использования однословной топонимической номинации *Байкал*, получившей распространение в силу известности и значимости обозначаемой реалии):

В Даурех лежащее **озеро Байкал** широтою от реки Селенги до Ангары... 90 верст (В. Н. Татищев. Представлении Екатерине I об устройстве новых путей в Сибирь, 1726) [НКРЯ];

При пользовании старинными сибирскими архивными документами нужно быть осторожным, чтобы не принять одно море или озеро за другое, так как Ледовитый океан, Охотское море и **озеро Байкал** носили в то время одинаковое название (Г. Ф. Миллер, глава 12. Древнейшая история Якутска и Якутского уезда, § 30, 1774) [Миллер, т. III 2005: 74];

Въ Россіи главнѣйшія **озера** суть Ладожское, Чудское, Имандра, Онежское и **Байкаль** (Зрѣлище природы и художествъ, 1784) [НКРЯ]; Город Иркутск стоит на берегу реки Ангары, выходящей из **озера Байкала** и текущей с великою быстротою: воды ее чрезвычайно холодны (Г. М. Давыдов. Дневник, 1802) [Там же];

Драфцманъ Курочкинъ представилъ чертежи и описаніе судовъ... и карту части восточнаго берега **озера Байкала** (Записка о упражненіяхъ Департамента по ученой части... 1807) [Там же].

Специалисты — географы, историки, востоковеды XVIII в. — были знакомы с наименованием *Байкал море* и отмечали в своих сочинениях локальный характер его употребления. Так, в одном из первых географических словарей в России, составленном Л. М. Максимовичем на основе «Географического лексикона» Ф. А. Полунина в 1788–1789 гг., в словарной статье *Байкаль* особо подчеркивается, что местные жители уважительно именуют озеро «Святымъ моремъ»: **Байкаль озеро**, отъ около живущихъ народовъ изъ почтенія **Святымъ моремъ** называемое, въ *Сибири*... простирается длиною отъ запада до востока... на 500, отъ полуночи же до полудни шириною около 20, и до 30 верстъ [Географ. сл. 1788: 61 (курсив в издании. — А. М.)], аналогично [Полунин 1773: 20]. В другом произведении — опубликованном в 1782 г. переводе «Путешествия китайского посланника к калмыцкому Аюке Хану», который сделал российский синолог А. Л. Леонтиев, сноски переводчика относительно реки Селенга, впадающей в Байкал, поясняет: **Байкаль**: Названіе большаго **озера**, которое не далеко отъ Иркутка, и называется тамо **моремъ** [Ту Ли Шень 1782: 28 (курсив в издании. — А. М.)]. Третий пример интересен тем, что историк В. Н. Татищев выражает несогласие с номинацией Байкала *морем*, опираясь на рациональный подход («море не может иметь пресную воду»): *Сверх сего Байкал хотя все сибиряки морем именуют, потому что в нем находятся нерпы, но понеже в нем вода пресная, того ради его яко главное междо озеры полагаю* [Георг. Тат. 1950: 56].

Таким образом, прослеживается довольно строгое распределение функционирования топонима *озеро Байкал* в литературном языке, а топонима *Байкал море* — в забайкальском региолекте, что отражает складывающееся в языковой ситуации России XVIII в. противостояние двух социальных форм общенародного русского языка — региолекта и литературного языка практически на всех языковых уровнях.

В XVII–XVIII вв. система географических наименований в русском языке стала относительно устойчивой; по крайней мере, кардинальных изменений в структуре составных гидронимов не наблюдается³. В этом свете образование и равноправное функционирование в данный исторический период вариантов *озеро Байкал* и *Байкал море* представляет собой исключительное явление. Можно выделить две причины закрепления слова *море* в топониме *Байкал море*. В XVIII столетии географический статус самого крупного в России пресноводного объекта был определен современниками окончательно — это озеро, и употребление топонима *озеро Байкал* в литературном языке становится нормой. Разгадка же появления топонима *Байкал море* связана с происхождением первых русских насельников Восточной Сибири и Забайкалья. Вслед за служилыми людьми и казачьими войсками в Сибирь пошла вторая волна первопоселенцев, давшая ей значительное число жителей; она состояла из торговцев и промысловиков («промышленных людей»), в основном родом с Поморья. О севернорусском происхождении сибирских первопоселенцев писали историки В. А. Александров, П. Н. Бущинский, П. М. Головачев, а также лингвисты А. М. Селищев, П. Я. Черных, Н. А. Цомакион, Н. Е. Попова, Г. А. Христосенко, Т. Ю. Игнатович, и, самое главное, речь севернорусских поселенцев давала себя знать в подавляющем большинстве севернорусизмов, которое выявляется в забайкальских письменных памятниках XVII–XVIII вв. [Майоров 2013]. Слово *море* в значении ‘большое озеро, море, океан’ можно отнести к севернорусскому лексикону того времени. Как свидетельствует Этимологический словарь славянских языков со ссылкой на работы Г. И. Куликовского и М. А. Колосова, «*мо́ре* ‘зовут крестьяне Онежское озеро’... *море* ‘не только то, что обыкновенно разумеется под этим словом, т. е. большая масса соленой воды, но и такая же масса пресной воды: был в море, пошел в море, говорят о плавающих или плававших по Онежскому озеру’» [ЭССЯ, 19: 228]. Практически не встречается

³ Вопрос о переименовании *Аральского озера* в *Аральское море* в конце XVII в. остается открытым, поскольку еще В. Н. Татищев в 1739 г. называет его то *Аральским морем* (или *морцем*), то *Аральским озером* [Геогр. Тат. 1950: 133, 177]; Л. М. Максимович в 1788 г. также допускает два варианта именования: *Аральское озеро* или *море* [Географ. сл. 1788: 38]; а Г. Ф. Миллер в 1774 г. именуется только *озеро Арал* [Миллер, т. III 2005: 476].

слово *озеро* в заговорах Русского Севера, на территориях, где есть знаменитые большие озера [Агапкина и др. 2018: 71]. Снова вспоминается устойчивое выражение *выйти в море* (о тех, кто занимается рыбалкой на Байкале), бытующее в кабанском говоре Республики Бурятия. О севернорусском прошлом слова *море* в указанном значении свидетельствуют и современные русские говоры Беломорья, которые сохраняют фольклорное сложное слово *окиян-море* как название Ледовитого океана [СРНГ, 18: 261].

Побочным, но не менее важным фактором усвоения слова *море* в структуре топонима *Байкал* служат межкультурные контакты русских первопоселенцев с бурятами, населявшими прибрежные территории Байкала. Знание географической природы Байкала дополнялось знакомством русских с почтительным отношением к нему бурят. Это уважение к озеру в бурятском языке передается составным топонимом *Байгал далай*. В последнем издании бурятско-русского словаря подробно характеризуются семантико-стилистические особенности и лексическая сочетаемость слова *далай* в первом значении⁴: **далай...** 1. 1) море, океан, большое озеро; ... **Байгал далай** озеро Байкал; **Байгал сагаан далай** фольк. седой Байкал... 2) *каб.*⁵ море (обычное название оз. Байкал) **далайда орохо каб.** идти за омулями (букв. отправляться в море); **арюухан далай лит.** священное море (об оз. Байкал) [Шагдаров, Черемисов 2006: 253].

Из этих особенностей важно отметить:

- 1) генерализацию значений слова *далай*, поданную в словарной статье через перечисление конкретных значений ‘море’, ‘океан’, ‘большое озеро’;
- 2) в устойчивых выражениях (сложносоставных словах, по Л. Д. Шагдарову) актуализируются определенные семантические и стилистические свойства слова. Так, перевод бурятского топонима *Байгал далай* русским *озеро Байкал* осуществлен с ориентацией на нормы русского литературного языка, т. е. нарушением этих норм был бы перевод *Байкал море*. Вместе с тем данная стратегия доместикации перевода не способна транслировать ни смысловой оттенок ‘большое озеро’, ни стилистическую коннотацию уважительности, поскольку, как считают ученые, «лексема “далай” (‘море’) в сочетании “Байгал далай” в наибольшей степени передает почтительное отношение бурят к Байкалу, который представляется бескрайним морем, а не озером» [Жигачева, Доржиева 2018: 174];

⁴ Нумерация значений в словаре представлена полужирными арабскими цифрами с точкой. У значений также могут быть так называемые «отдельные значения», выделенные светлыми арабскими цифрами со скобкой [Шагдаров, Черемисов 2006: 15].

⁵ *каб.* — кабанский говор бурятского языка.

- 3) другое устойчивое словосочетание — *далайда орохо* прямо соответствует обороту *выйти в море*, употребляемому в русских говорах того же Кабанского района Республики Бурятия. По значению русское выражение очень похоже на семантическую кальку бурятского оригинала;
- 4) третий тип устойчивых оборотов, представленный сочетаниями *Байгал сагаан далай*, *арюухан далай*, содержит стилистические коннотации, связанные с употреблением в фольклорном и прозаическом дискурсах.

Языковая метафора *море* в топониме *Байкал море* могла быть поддержана семантическим калькированием бурятского топонима *Байгал далай* в результате контактов русских с бурятами. Это, вероятнее всего, происходило в непосредственном повседневном общении, когда буряты делились с русскими своим опытом многообразного соприкосновения со всеми уникальными природными свойствами озера, пытались описать свои мифологические представления о Байкале. В этом отношении любопытен рассказ Исбранта Идеса, московского посланника в Пекин по делам ратификации Нерчинского договора в 1692–1695 гг., оставившего книгу о путешествии через Сибирь. Вот как он описывает свой переезд через Байкал:

Когда я хотел спускаться на озеро... местные жители пришли нарочно увещевать меня, чтобы я не называл Байкал озером, пока буду по нему ехать, но всегда называл бы его Далай, что значит море, так как, по их словам, все путешественники, которые не слушались их совета, подвергались многим опасностям от буйного ветра, который подымался как раз в момент их проезда через него. Я начал смеяться этом нелепому утверждению... Когда я был на самой середине переезда, я велел подать себе рюмку водки и, выпив за здоровье всех европейских христиан, призвал его <Байкал — А. М.> в свидетели, называя его озером (*osera*), что означает <с. 527> стоячую воду, но ветры не только не прогневались, но даже успокоились, и оскорбленное мною море покорно снесло меня на своей спине вплоть до острожца Кабанского [Алексеев 1941: 526–527].

Исбрант Идес не поясняет, кого он имеет в виду под «местными жителями» — русских или бурят, но очевидно, что разговор шел на русском языке (ср. своеобразное транскрибирование слова [*osera*]) и у этих русскоязычных людей в сознании уже прочно обосновался персонифицированный образ Байкала, способного наказать того, кто оскорбит его неверным именем. Видимо, в свое время подобные «увещевания» буряты адресовали всем чужим на их территории людям, в том числе русским первопроходцам. Оставляя в стороне критичные высказывания представителя западноевропейского Просвещения

XVII в., заметим, что русские первопроходцы по своему социальному положению вряд ли разделяли рационалистические взгляды данного культурного направления. Магическая функция была близка русскому языку точно так же, как и бурятскому: неслучайно имя *море* в заговорах Русского Севера носит сакральный характер, обозначая объект первого, внешнего круга мифологического центра [Агапкина и др. 2018: 102]. Не исключено, что эти представления в языковом сознании русских, в основном родом с Поморья, послужили благоприятной почвой для семантического калькирования бурятского термина *далай* в составном топониме *Байкал море*.

* * *

Уникальное озеро имеет не менее уникальную историю своего названия. Исторически изменчивыми, особенно в древний период, у составных гидронимов бывают географические имена: *Понтъ море* → *Черное море*, *Хвалынское море* → *Каспийское море*, *Нево озеро* → *Ладожское озеро*. Смена географического термина — редкое явление: *Ледовитое море* → *Ледовитый океан*. Совершенно исключительным событием следует считать появление у составного топонима варианта с измененным географическим термином и сосуществование обоих вариантов на протяжении почти двух столетий. Именно это произошло с наименованием озера Байкал.

В истории именования этого водоема четко прослеживаются три этапа. В 30–40-х гг. XVII в., в ходе освоения русскими близлежащих территорий возникает лимноним *озеро Байкал* (с вариантами *Байкало озеро*, *Байкалово озеро*). На следующем этапе, с конца 60-х гг. XVII столетия, наряду с этим названием в забайкальских текстах фиксируется составное наименование *Байкал море*. В XVIII в., озаменованном как третий этап в ономастической истории озера, забайкальский корпус деловых текстов топоним *Байкал озеро* не использует вообще.

Яркой особенностью истории именования озера Байкал выступает слово *море* как топонимическая номинация. Контекстуальное значение слова в забайкальских деловых текстах переросло в языковое. В лексической системе забайкальского региолекта русского языка 2-й пол. XVII — XVIII в. появились однокоренные образования *морской*, *заморье*, *заморский*, *подлеморье*, *Малое море*, *маломорец*, *маломорский*, так или иначе характеризующие озеро Байкал. Лексема *море* в значении ‘озеро Байкал’ сохранилась в русских говорах байкальского региона по сей день.

В XVIII в. сложилась та ситуация, когда в русском литературном языке нормой стало употребление топонима *озеро Байкал*, а в забайкальском региолекте — топонима *Байкал море*, употребительного помимо общехозяйственно-бытовой сферы общения в деловом языке в качестве официального

термина. Выявляются специфические условия, предопределившие успех термина *Байкал море* в конкуренции с вариантом *Байкал озеро* в Забайкалье. Во-первых, топонимом *Байкал море* могли называть озеро русские первопроходцы — промысловики, купцы, гулящие люди родом с Поморья, со 2-й пол. XVII в. составлявшие большинство сибирского населения, в том числе и Забайкалья. Во-вторых, сказались условия межкультурного и межъязыкового контактирования русских и бурят, в результате которого топоним *Байкал море* семантически калькировал бурятский составной топоним *Байгал далай*, обладавший теми же недифференцированными смысловыми признаками ('большое озеро, море'), что и слово *море* в речи севернорусских людей.

Сокращения

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

СПФ ИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института истории Российской академии наук

Источники и литература

Агапкина и др. 2018 — Т. А. Агапкина, Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 1. С. 65–114.

Алексеев 1941 — М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск, 1941.

Вайрах 2011 — Ю. В. Вайрах. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011.

Волог.-Перм. лет. — Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

Географ. сл. 1788 — [Л. М. Максимович.] Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 1: А–Ж. М., 1788.

Геогр. Тат. 1950 — В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Жигачева, Доржиева 2018 — Е. С. Жигачева, Г. С. Доржиева. Концепт Байкал в региональной лингвокультуре: монография. Улан-Удэ, 2018.

- Историч. выбор 2014 — Исторический выбор: Россия — Бурятия в XVII — первой трети XVIII века: документы и материалы / Авт.-сост.: О. В. Бураева, С. С. Бураева, М. Н. Балдано. Иркутск, 2014.
- Майоров 2013 — *А. П. Майоров*. Диалектные слова севернорусского происхождения в забайкальском региолекте XVIII в. // Язык и культура русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. Материалы всерос. науч.-практ. конф. 30 октября — 1 ноября 2013 г. Филиал ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова». Северодвинск, 2013. С. 184–191.
- Миллер, Т. III 2005 — *Г. Ф. Миллер*. История Сибири. Т. III. М., 2005.
- Моск. лет. свод — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод. М.; Л., 1949.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.
- Новг. лет. (Воронц.) — Извлечения из Воронцовского списка // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 431–464.
- ПЗДП XVIII — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
- Полунин 1773 — *Ө. Полунинъ*. Географическій лексиконъ Россійскаго государства. М., 1773. При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, на иждивеніи Христіана Лудвига Вевера.
- Просвирнина 1999 — *И. С. Просвирнина*. Составные наименования в русской топонимии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Русские старожилы 1973 — Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973.
- Селезнева 1975 — *Л. Б. Селезнева*. Структура «географический термин — топоним» в русском языке // Вопросы ономастики / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1975. № 8–9. С. 107–114.
- Селенг. мон. XVIII — Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века / Сост. Т. Н. Меженина. СПб., 2015.
- Сказ. Ал. Нев. — Сказаніе о подвигахъ и жизни Сватаго Благовѣрнаго и Великаго Кнѣзѣ Александра Ярославича Невскаго (по списку XIII вѣка). Сообщилъ Намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Архимандритъ Леонидъ. СПб., 1882.
- Сл. заб. XVIII — *А. П. Майоров*. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.
- Сл. иркут., 30 — *Г. В. Афанасьева-Медведева*. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири. Т. 30. Иркутск, 2024.
- Сл. прибайк. — Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 2. К–Н. Иркутск, 1987.
- Сл. Сиб. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин; отв. ред. В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1991.

- СлРЯ XI–XVII, 9 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М). М., 1982.
- СлРЯ XVIII, 13 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13 (*Молдавский — Напрокудить*). СПб., 2003.
- Спафарий 1882 — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. СПб., 1882.
- СРНГ, 18 — Словарь русских народных говоров. Вып. 18 (Масленичек — Мутарсливый). Л., 1982.
- Ту Ли Шень 1782 — Путешествіе китайскаго посланника къ калмыцкому Аюкѣ Хану, съ описаніемъ земель и обычаевъ Россійскихъ. Перевель съ Манжурскаго на Россійской языкъ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Надворной Совѣтникъ Алексѣй Леонтьевъ. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1782 // Путешествие китайского посланника к Калмыцкому Аюке-хану, с описанием земель и обычаев российских : Ту Ли-Чэнь : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive
- Чертежная книга 1701 — Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная в 1699–1700 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями. Нач. XVIII в. РГБ. Собр. Н. П. Румянцева Ф. 256, № 346.
- Шагдаров, Черемисов 2006 — *Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов*. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Т. I. А–Н. Улан-Удэ, 2006.
- ЭССЯ, 19 — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 19 / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1992.